

Дело вовсе было не в том, что она презирала Е Цзинь — Е Цзинь и сама по себе была неплохим человеком, просто, возможно, её избаловали, отчего она казалась несколько высокомерной и бунтующей, но истинная её натуры была хорошей. Однако человеческое сердце по своей природе было склонно к предвзятости, да и сама Цзян Яншуй ни в чём не уступала другим, а потому, по её мнению, ей, разумеется, стоило подыскать вариант получше. Вот только досада была в том, что она так неосторожно поставила метку на Е Цзинь.

Странно сказать, но Е Цзинь, будучи такой высшей альфой, так легко дала Цзян Яншуй поставить на себе метку. Неужели этот титул высшей альфы и вовсе был каким-то фальшивым?

Цзян Яншуй опустила взгляд, снова бросив мимолётный горький взгляд на Е Цзинь, которая всё ещё пребывала в шоке на кровати, и негромко произнесла:

— Я подумаю.

Похоже, это был лучший для неё выбор, ведь если бы Е Цзинь решила пойти на принцип, то она, пожалуй, уже сидела бы в полицейском участке.

Но если говорить о том, чтобы сойтись с Е Цзинь из-за какой-то там совместимости, то на это она пойти не желала.

Опустив взгляд и хорошенько всё обдумав, Цзян Яншуй подняла голову и прямо посмотрела в глаза Е Цзинь:

— Во время твоего периода восприимчивости я буду находиться рядом с тобой, однако в этот период я лишь буду выделять феромоны, чтобы облегчить твою боль, и я также надеюсь, что ты сможешь не переходить черту.

Все прекрасно понимали, что именно подразумевается под этой «непереходимой чертой».

Е Цзинь склонила голову набок и уставилась на неё. Разве не та укусила её? Это ведь значило, что она сама изначально заглядывалась на её феромоны, так с какой стати теперь устанавливать ей какие-то «три правила»? Что это за игры в недоступность?

— То, что я сказала, — ты согласна? — не удержавшись, спросила Цзян Яншуй. К чему это — просто смотреть на неё и молчать?

— Но я всё ещё хочу завести романтические отношения! Я же ещё никогда по-настоящему не влюблялась! — обиженно завопила Е Цзинь. Теперь, когда Цзян Яншуй поставила на ней метку, в глазах окружающих она стала всецело её собственностью — кто после этого захочет её любить?!

Цзян Яншуй: «.....»

Фан Цзяхуэй: «.....»

Хотя у неё и была мысль свести их раньше, нельзя же вот так открыто, прямо в присутствии классного руководителя заявлять о желании завести раннюю интрижку! Куда это годится?!

Цзян Яншуй на миг оказалась в затруднении: Е Цзинь, помеченная ею, до тех пор, пока метка не будет сведена, была обречена привлекать исключительно её феромоны. Сколько бы она ни симпатизировала кому-то другому, этот человек никак не смог бы облегчить её недомогания в период восприимчивости.

Цзян Ли поняла, что её дочь действительно не испытывает к сидящему перед ней ребёнку никаких иных чувств, и если сводить их насильно, страдать в итоге будут обе.

— Хочешь влюбляться — влюбляйся, как только исполнится восемнадцать, сразу сделаешь операцию, и всё пройдёт, — внезапно произнесла Е Чанцин.

Е Цзинь опешила, переводя взгляд то на госпожу Е, то на Цзян Яншуй, и вдруг горько заплакала:

— Но ведь тогда все подумают, что я изменила! Что даже с меткой я не сижу смирно!

— У-у-у, так ведь меня сочтут распутницей! Настоящей альфа-стервой!

Все: «.....»

Вроде бы в этом был свой резон, но с другой стороны, нельзя же заявить во всеуслышание, что Цзян Яншуй поставила метку на Е Цзинь по неосторожности. Если поднимется слишком много сплетен и слухов, обеим девочкам придется несладко.

Толпа омег смотрела на эту заливавшуюся горькими слезами альфу. Е Чанцин украдкой прикрыла лицо рукой: и правда, все её прошлые тревожды были оправданны — если пустить дело на самотек, смогла ли бы та вообще отыскать себе омегу в этой жизни?

Украдкой бросив взгляд из уголка глаза на Цзян Яншуй, она не смогла найти в этой девушке — помимо того, что та была дочерью Цзян Ли — ни единого изъяна.

В общении с людьми она держалась открыто и непринужденно, считалась человеком ответственным, да и внешне была весьма хороша. Если бы она стала её невесткой, разве это было бы плохо?

В глазах Е Чанцин промелькнула задумчивость. К тому же, судя по характерам этих двоих, они, кажется, прекрасно дополняли друг друга?

— Ох-ох, в конце концов, если совсем прижмет, пойдешь на свидания после совершеннолетия?
— Е Чанцин села на край кровати Е Цзинь, протянула руку и потрепала её по голове, мягко и убедительно уговаривая: — В конце концов, с данными нашей а-а, выбор у тебя потом будет еще больше, верно?

Сначала свести двоих вместе, а там — если между ними вспыхнет искра, лучше и быть не может; если же нет, тоже не беда, ведь на свете не одна лишь Цзян Яншуй в роли омеги, да и кто знает, будет ли Е Цзинь и в будущем любить исключительно омег?

Е Цзинь подняла взгляд на госпожу Е и с некоторой опаской спросила:

— Разве так можно?

— Можно, конечно можно! — поспешно кивнула Е Чанцин.

— Но... но разве любовь после совершеннолетия всё ещё считается ранней? — Е Цзинь надула губы. Будут ли те чувства столь же чистыми, как сейчас?

— «.....»

Почему эта девчонка так заиклена на ранних романах?

Е Чанцин лукаво повела глазами:

— Конечно считается! Пока ты относишься к человеку с такой же юношеской страстью, ваши отношения — это и есть ранняя любовь!

Е Цзинь моргнула и, проникшись доверием к госпоже Е, решительно кивнула!

Е Чанцин снова захотелось закрыть лицо руками: про себя она решила, что в будущем непременно обязана найти дочери умную и заботливую жену, иначе она всерьез боялась, что её ребенка однажды облапошат и пустят по миру. Прослушавшая всё от начала до конца Цзян Яншуй: «.....»

Сегодняшняя Е Цзинь поистине разрушила все прежние впечатления о ней.

— Раз уж вы так решили, ладите друг с другом в дальнейшем, только соблюдайте границы, — Цзян Ли тихо вздохнула, взяла дочь за руку и отвела в сторону поговорить.

Фан Цзяхуэй переводила взгляд то на одну, то на другую, переглянувшись со школьным врачом, и обе остались безмолвны.

Раз было принято такое решение, весь последующий ряд вопросов потребовал куда более детальных приготовлений. Чтобы девушкам было удобнее развивать отношения, Фан Цзяхуэй даже напрямую пересадила их за одну парту, превратив в самых близких соседок по местам.

А Е Чанцин, не скупясь, приобрела трехкомнатную квартиру неподалеку от школы, чтобы девочки переехали туда — так им было бы намного проще заботиться об особых состояниях друг друга.

Сначала Цзян Ли была против подобного: в конце концов, ее дочь — омега, и опасения матери за то, что девочку обидят, вполне оправданны. Однако в итоге Е Чанцин оборвала все возражения одной фразой, после чего у той не осталось ни единой причины для отказа:

— Вы еще боитесь, что наша а-а обидит вашу дочь? Да это я боюсь, как бы ваша дочь не обидела нашу а-а! Если бы наша а-а действительно была из тех, кто пользуется чужой беспомощностью, она бы поставила метку вашей дочери в тот самый момент, во время ее Периода течки! А не оказалась бы сама помеченной вашей дочерью! Перед лицом высшей омеги, находящейся в Периоде течки, её дочь смогла сохранить стойкость и не перейти черту — сколь же редкое это качество!

Поставленная на место её словами, Цзян Ли выглядела немного удрученной, и лишь утешения Цзян Яншуй помогли ей хоть немного прийти в себя.

На самом деле сама Цзян Яншуй не до конца понимала, почему она так слепо верит Е Цзинь и уверена, что та ничего с ней не сделает.

Быть может, дело в том, что ей довелось воочию наблюдать, как Е Цзинь оставалась абсолютно равнодушной к другим омегам в Период течки. Это вселяло веру в то, что по своей сути она вовсе не так уж плоха и способна сдерживать порыв поставить метку омеге.

Цзян Яншуй бросила взгляд на Е Цзинь, которая сидела рядом с ней и от нечего делать листала книгу. Если подумать, Е Цзинь ведь не такая уж никчемная.

По крайней мере, в плане человеческих качеств она неплоха?

Посмотрела на меня? Моя очаровательная внешность привлекла твоё внимание? — Е Цзинь приподняла бровь. Эта девушка за сегодняшний день уже несколько раз исподтишка косилась на неё. Неужели теперь её манят не просто феромоны, а она ещё и позарилась на её красоту?!

Цзян Яншуй посмотрела на её рыжую голову — та как раз заново надела парик, — бесстрастно отвела взгляд и потупила взор в лежащую перед ней книгу. Она забирала свои слова обратно: Е Цзинь, судя по всему, всё же была абсолютно никчемной. И в плане человеческих качеств она тоже никуда не годится.

Цзян Яншуй то и дело ломала голову над тем, как вообще устроена голова у Е Цзинь и почему её мысли так сильно отличаются от нормальных? Она была похожа на страдающую синдромом восьмиклассника пациентку, живущую в собственном мире.

Е Цзинь легко хмыкнула и, повернув голову, тут же встретилась взглядом с Ли Яном, который смотрел на неё так, будто готов был сожрать живьём.

Ого, Е Цзинь даже заинтересовалась: неужели этот тип сам напрашивается, чтобы она над ним подшутила? Это что же, легендарная подушка, подсунутая прямо во время зевоты?

— Ой? Чего это ты так страстно и нежно на меня уставился? Сразу предупреждаю, на мужчин-альф у меня планов нет! — Е Цзинь широко улыбнулась. Она и раньше-то терпеть не могла этого парня: вечно таскается хвостом за Цзян Яншуй, смотрит на всех свысока — так и просит

затрешины.

– ...Не занимайся самолюбованием! – Ли Ян скрипел зубами, лицо у него было хуже некуда. Он никак не мог взять в толк: прошло всего три дня, почему же весь мир перевернулся? С какой стати Цзян Яншуй могла полюбить Е Цзинь?! Да что в этой Е Цзинь есть лучше него, кроме происхождения и уровня?

– А мне и не нужно заниматься самолюбованием, у меня на лице и так золото написано, – невинно ответила Е Цзинь. В конце концов, она была любимой дочуркой госпожи Е и послушной внучуркой старейшины Е – настоящим золотом, драгоценнее некуда.

Ли Ян покраснел от злости.

Сидевшая рядом с Е Цзинь Цзян Яншуй, услышав эти слова, слегка изогнула губы в улыбке – на мгновение ей даже показалось, что Е Цзинь абсолютно права. Та действительно была чистым золотом, малейший удар по которому грозил переломами костей.

Взять хотя бы её собственную ситуацию – она ведь уже поплатилась двумя годами, которые обязана провести рядом с ней.

Во время большой перемены Вань Гаогао и Лань Чжуцзе подкрались сзади. Осторожно бросив косой взгляд на сидевшую рядом Цзян Яншуй, они навалились на парту Е Цзинь и шёпотом спросили:

– Вы это что удумали? Случилось ли в тот день, когда вы ушли позавчера, что-то невероятное, о чём мы не знаем?

Сегодня утром старая Фан едва вошла в класс, как объявила о пересадке. Ладно бы просто пересадка, но она умудрилась посадить вместе Е Цзинь и Цзян Яншуй! Это же всё равно что бомбу взорвать! В конце концов, как ни посмотри, эти двое никак не казались теми, кого можно было бы объединить за одной партой.

Особенно если учесть, что шея Е Цзинь до сих пор была замотана марлей, а от неё самой исходили феромоны Цзян Яншуй! О чём это говорит? Это говорит о том, что между ними что-то есть! К тому же они пропали одновременно на три дня, а что значат три дня? Это значит – период течки! Вань Гаогао и Лань Чжуцзе совершенно ошарашены. Они ведь целыми днями околачивались с Е Цзинь и ни в чём таком не замечали и намёка на то, что у неё с Цзян Яншуй шашни!

Хотя, конечно, Е Цзинь то и дело пялилась на Цзян Яншуй, но по её виду казалось, что она та ещё заноза в заднице у этой самой Цзян Яншуй?!

Е Цзинь скосила на них глаза:

— Разве вы не сами всё видите?

Эти две альфы точно поддельные, раз даже такое не могут учуять?

Обе:

— ...

Разве дело в этом? Дело же в сенсации! Дело в том, как это вы умудрились закрутить шашни

друг с другом!

Не добившись ничего вразумительного, парочка подняла по большому пальцу вверх: ну и Жестокий человек же эта Е Цзинь, умудрилась тихо-мирно заполучить объект воздыханий всей Цзиньян!

Сидя за своей партой, Е Цзинь чувствовала себя как на иголках. Заметив периферийным зрением, что Цзян Яншуй выглядит так, будто ничего не произошло, она снова немного разозлилась: с какой стати? Почему это ей одной не по себе, а эта держится так, будто ни при чём? Хотя натворила делов именно она! Почему же в итоге мучается она сама, а не та?!

— Эй ты, иди набери мне воды! Я пить хочу! — Е Цзинь пнула ножку стула Цзян Яншуй, задрала подбородок и произнесла это так, будто отдавала приказ слугам.

Цзян Яншуй замерла с ручкой в руке, повернулась к ней:

— С какой стати я должна идти набирать тебе воды? — Её взгляд скользнул по точеным и гладким ногам соседки, на мгновение задержался. — К тому же твои ноги вполне целы.

Е Цзинь проследила за её взглядом и тут же подобрала ноги, выпрямившись. Она возмущенно закричала:

— Ты куда палишься?! Теперь приставать к людям стало так бесстыдно, да?!

Цзян Яншуй:

— ...

— Сама сходи, — произнесла она спокойным голосом, полностью пропустив мимо ушей реплику про приставания.

— Теперь все посторонние думают, что ты моя омега, так что у тебя автоматически появилась обязанность наливать мне воду! — Е Цзинь скрестила руки на груди, приняв развязанный вид.

Вспомнив, как каких-то пару дней назад та рыдала навзрыд в объятиях собственной мамы, и глядя на её нынешнее высокомерное и дерзкое выражение лица, Цзян Яншуй испытала легкое недоумение: что позволяет ей вести себя так дерзко перед человеком, который уже раскусил её истинную сущность? Неужели она настолько уверена, что та не станет болтать про её плаксивую натуру?

— Ну, ты же понимаешь, что так считают лишь посторонние, а какова суть на самом деле — мы с тобой прекрасно знаем, — Цзян Яншуй продолжила невозмутимо заполнять пробный тест и поправила: — Если выражаться точно, это ты моя альфа, а в строгом смысле омегой твоей я пока не являюсь.

В конце концов, это была лишь односторонняя метка со стороны Е Цзинь, саму её та не метила.

— ...

— Бессовестная! Гадкая омега!

Пометила другого человека и заявляет, что они не имеют друг к другу никакого отношения — разве это не поступки бессовестной девчонки!

Цзян Яншуй лишилась дар речи: разве то, что она сказала, не было правдой?

— Мне плевать! Раз уж ты меня пометила, то обязана за меня отвечать! — Е Цзинь холодно фыркнула: грех не воспользоваться дармовой рабочей силой, раз уж та сама идет в руки!

— ...

Видя, что та занимается откровенным самодурством, Цзян Яншуй решила больше не спорить с ней. Она встала, взяла со стола стакан Е Цзинь и вышла.

На черном термосе были нарисованы пухлые панды, которые с умильным видом грызли бамбук. Этот стакан совершенно не вязался с тем образом, который Е Цзинь транслировала вовне, но если подумать о её настоящей натуре, скрытой от посторонних глаз, они идеально подходили друг другу — обе были донельзя мягкими и милыми.

Подойдя к кулеру, Цзян Яншуй обнаружила, что из-за большой перемены ближайшая водораздаточная комната забита под завку. Брови девушки слегка сошлись на переносице — ей совсем не улыбалось толкаться в этой толпе.

Опустив взгляд на стакан с пандой, Цзян Яншуй смирилась с судьбой и отправилась в другой корпус старшей школы. Даже во время перерыва в тамошнем коридоре редко кто из выпускников выходил проветриться, так что и у кулера народу было до обидного мало.

Из-за жары она уже было собралась набрать холодной воды, но тут в памяти всплыла укушенная ею и до сих пор не зажившая железа той девчонки, и в конце концов она всё же налила стакан теплой. И впрямь укусила слишком сильно, впредь ей стоит быть с ней помягче. Мысленно вздохнула Цзян Яншуй.

Вернувшись в класс, Цзян Яншуй увидела, что за её партой уже кто-то сидит. На госте было яркое розовое платье, длинные волосы были заплетены в два хвостика, свисавших за спиной, а аккуратная чёлка на лбу придавала ей еще более милый и сладкий вид — особенно улыбка, от которой на душе сразу становилось невероятно тепло.

Цзян Яншуй:

— ...

— Сестрица Цзян, почему ты совсем не рада меня видеть?

Девушка теребила Е Цзинь за руку, капризно покачивая ею. Остальные ученики в классе, заметив возвращение Цзян Яншуй, хоть вслух ничего и не произносили, но периодически бросаемые в их сторону взгляды выдавали их жгучее любопытство с головой.

— С чего бы мне радоваться? Ты что, бог богатства или глава государства? Чтобы тебе каждый встречный радовался, —

выпала Е Цзинь, выдергивая руку. Она подняла взгляд на Цзян Яншуй, протянула руку и произнесла с самым что ни на есть невозмутимым видом:

— Воду! Она уже давно испытывала сильную жажду.

Цзян Яншуй подошла, протянула ей стакан с водой и опустила взгляд на сидевшую за ее партой девушку. Та тоже была очень красивой, а ее миниатюрная, миловидная внешность,

должно быть, многим пришлось бы по душе.

Заметив, что она вернулась, та девушка даже не подумала уступать место. Она подняла голову, встретилась взглядом с Цзян Яншуй, широко улыбнулась и произнесла:

— Ты ведь соседка по парте сестрицы Е? Меня зовут Цинь Бэйбэй, я только сегодня перевелась в эту школу, так что теперь мы одноклассницы!

— Ох, привет, одноклассница, — мягко кивнула Цзян Яншуй. Ее взгляд упал на стул позади незнакомки, и она прямо спросила: — Не могла бы ты, пожалуйста, встать? Это мое место.

Поди пойми, были ли извилины в мозгу этой особы родом из того же источника, что и у Е Цзинь, раз она отвечала с такой бессловесностью и в то же время с полнейшей уверенностью в своей правоте.

— Ничего страшного, скоро оно станет моим, я попрошу учительницу Фан пересадить меня сюда.

Что за хрень? Ты говоришь, что хочешь сидеть здесь, и сразу садишься? — не успела Цзян Яншуй и слова сказать, как Е Цзинь усмехнулась, бросив на ту косой взгляд. — Ты возомнила себя императором, выбирающим наложниц в гареме? Мое мнение ты спросила?

— Сестрица Е, ты против? А я ведь пришла сюда специально ради тебя, — с жалким видом произнесла Цинь Бэйбэй, глядя на Е Цзинь. Человек с менее крепкой психикой легко мог бы купиться на этот спектакль.

— И какое мне до этого дело? Судя по твоей логике, если любой встречный заявится сюда ради меня и сможет сесть рядом, то что? Я что, Будда, чтобы меня окружала толпа ваших архакатов?

Однако Е Цзинь осталась совершенно непреклонной и даже начала слегка раздражаться.

— Вставай, вставай, разве ты не видишь, что человек вернулся? Мать не учила тебя не присваивать чужие вещи?

Наблюдая за диалогом этих двоих, Цзян Яншуй не выказывала на лице никакого раздражения или чего-то подобного — ее выражение лица оставалось прежним, утонченным и невозмутимым. В конце концов она даже не стала спешить садиться, а просто с улыбкой смотрела на них.

— Яншуй, садись ко мне, — Ли Ян оттолкнул своего соседа по парте и с некоторым восторгом посмотрел на Цзян Яншуй.

Но не успела Цзян Яншуй ответить, как Е Цзинь тут же повернулась и наградила его свирепым, убийственным взглядом.

— Чего? Ты что тут, средь бела дня пытаешься вклиниться и стать любовником-сожителем?

Цзян Яншуй: «...»

Эта девица действительно слишком сильно вжилась в роль.

— Да пошла ты! Сама ты любовник! — Ли Ян хлопнул ладонью по парте, и его яростный крик разнесся по всему классу.

Увидев такую реакцию, Лань Чжуцзе и Вань Гаогао приблизились и встали рядом с Е Цзинь, настороженно глядя на него.

— Чего? Громкий голос придает тебе правоты? Пытаешься увести человека прямо у меня перед носом? — Е Цзинь презрительно посмотрела на него, и от этого взгляда у Ли Яна внутри закипела ярость.

— Кем ты себя возомнила? Всего лишь мажорка, которая умеет только за счет семьи издеваться над людьми! Да чем ты вообще достойна Яншуй, ты ей даже обувь чистить не достойна! Ты наверняка использовала какие-то грязные трюки, раз Яншуй сошлась с тобой!

— А ты еще кто такой?! С какого перепугу ты так разговариваешь с сестрицей Е?! То, что сестрица Е вообще соизволила обратить на нее внимание — это ее величайшее счастье в трех жизнях, а ты откуда вылезшая жаба, что квакает тут?! — возмутилась Цинь Бэйбэй, услышав его слова.

В один миг поле боя превратилось из противостояния Е Цзинь с двумя оппонентами в настоящую трехстороннюю заварушку. В классе поднялся невообразимый гам, троица наперебой ожесточенно спорила, предоставив остальным одноклассникам первоклассное зрелище.

— Хватит! Прекратите все! — повысив голос, крикнула Цзян Яншуй. Наполненные гневом слова успешно укротили троицу, и они дружно вскинули головы, глядя на нее всё еще с некоторым бунтарским выражением.

Цзян Яншуй от их криков даже слегка заболела голова. Окинув взглядом три упрямые физиономии, она холодно прищурилась.

— Ты, если у тебя до сих пор нет места, жди распределения учителя на уроке. А сейчас — встань, пожалуйста! — Цзян Яншуй посмотрела на Цинь Бэйбэй.

Цинь Бэйбэй открыла рот, собираясь что-то возразить, но, столкнувшись с этим леденящим взглядом, всё же поджала губы и поднялась.

— Спасибо за добрые намерения, но не нужно, я не хочу, чтобы меня кто-то неправильно понял, — кивнула Цзян Яншуй Ли Яну. Не дожидаясь ответа на его гримасу, она села на свое место и с холодным, бесстрастным видом уставилась на Е Цзинь.

— Чего ты так на меня смотришь? Что я не так сделала? — Е Цзинь почувствовала себя не в своей тарелке под этим взглядом и воинственно выпятила подбородок.

В этот момент прозвенел звонок на урок. Цзян Яншуй велела остальным вернуться по своим местам, холодно бросила на Е Цзинь мимолетный взгляд и больше не произнесла ни слова.

Такое отношение Цзян Яншуй защемило сердце Е Цзинь. Она насупилась и тоже перестала обращать на нее внимание.